

в описании ленивца и его поведения. Художественная правдивость этого описания дает основания назвать его реалистическим без всякой оглядки на метод писателей-реалистов XIX в.

*

Реалистичен и психологизм «Моления» Даниила Заточника,³⁰ автор которого в своеобразной афористической форме обобщает свои жизненно правдивые наблюдения. Как ни беспощадно откровенны его обобщения, их нельзя назвать «документальным» изображением жизни «какая она есть».

Даниил Заточник впал в немилость у князя, он нищий. И вот, пишет он, от него отвернулись и друзья и «ближний». Почему, спросит читатель? И Даниил, не дожидаясь вопроса, сам отвечает: он не «поставил перед ними трапез многообразных брашен» — не устраивал им пиров. Но есть и такие среди его «ближних», кто лицемерно «дружатся» с ним, опускают вместе с ним руку «в солило», «очима бо плачются со мною, а сердцем смеют ми ся», а «при напасти» помогают врагам «подразнить ноги мои» (А X). На жизненных наблюдениях построен и грустный вывод Даниила о том, что нищета грозит ему унижением: «Богат муж везде знаем есть и на чужей стране друзи держит; а убог во своей ненавидим ходит; богат възглаголет, вси молчат, и вознесут слова его до облак, а убогий възглаголет — вси нань кликнуть... их же ризы светлы, тех речь честна» (А XIII).

Автор «Моления» описывает не частный, конкретный случай той обиды, в результате которой Даниил впал в нищету. Он дает обобщенную характеристику положения тех, у кого, подобно ему, «не процвите часть». И если сильного, щедрого князя он изображает прибегая иногда к методу «идеального преобразования жизни», то, описывая свое бедственное положение, отношение к себе «ближних» и друзей, он остается на почве изображения жизни «какая она есть», хотя и лишеного всякого оттенка документальности.

Человек своего времени, Заточник художественными сопоставлениями поясняет читателю, что в семье главой должен быть муж: «Не ског в скотех коза, ни зверь в зверех ожь, ни рыба в рыбах рак, ни потка в потках нетопырь, не муж в мужех, иже ким своя жена владсет; ... не робота в роботах под жонками повоз возити» (А XXXIV). Тем же приемом автор раскрывает темные стороны женитьбы по расчету на богатой, но старой и «злообразной» жене: «лепше ми вол бур вести в дом свой, неже зла жена поняти: вол бо ни молвить, ни зла мыслить, а зла жена бьема бесеться, а кротима выситя, в богатстве гордость приемлеть, а в убожестве иных осужаеть». «Трясцую боleti» и быть «прокляту» желает автор тому, кто поверит «ласковым словесам» «льстивой жены»: «господине мой и свете очию мою! Аз на тя не могу зрети, егда глаголеши ко мне, тогда взираю и обумираю и въздержат уды тела моего и поничю на землю» (XXXVII, XI). Обилие традиционных эпитетов «злой жены», перенесенных из переводной учительной литературы, не может скрыть жизненной правдивости этих психологических обобщений. Б. А. Романов показал ее в комментарии к ним из памятников древнерусской церковно-канонической литературы, придя к следующему выводу: «Такая трактовка женской темы не

³⁰ Текст «Моления» цитируется по изданию: Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. — Памятники древнерусской литературы, в. 3. Изд. АН СССР, Л., 1932.